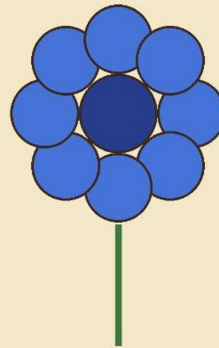
ВАСЯ МИХАЙЛОВИЧ

ВАСТИК
и Лопухово

КНИГА ПЕРВАЯ · ТОМ ПЕРВЫЙ

ВЕСЁЛЫЕ РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОПУХ»
Город на краю асфальта

Вася Михайлович

Вастик и Лопухово. Том 1

https://litres.ru/74737687
SelfPub; 2026

Аннотация

Шестилетний Вастик живёт в оранжевом доме на краю города. Папа находит ключи в холодильнике, кот Пряник руководит всем с подоконника, а бабушка Зина видит в бинокль всё на свете. А за серым забором, под лопухами, есть крошечный город Лопухово — туда можно попасть, если понюхать синий цветок. Там живут Потомкин, Хвастик, Самсам и другие жители с совсем человеческими недостатками.

Вастик понимает взрослые выражения буквально. Воспитательница вздыхает, что «до этой полки руки не доходят», — а Вастик: «А давайте я дойду. У меня ноги».

В первом томе — десять рассказов, лето и осень: первая встреча с Лопуховом, муравьиная дорога, покраска забора, пропавшая буква «М» и укол храбрости. Книга, с которой ребёнок учится читать сам, а взрослые вспоминают, что тоже когда-то были детьми. Для чтения вслух детям 5–8 лет.

Вася Михайлович
Вастик и Лопухово. Том 1

Вася Михайлович
Вастик и Лопухово
Книга первая. Том первый

Рассказ первый
Оранжевый дом на краю города

Скажите честно: вы когда-нибудь чихали так, что становились ростом со спичечный коробок? Нет? И не знаете, что за серым забором, под лопухами выше папы, есть целый город, где живут человечки, которые всё делают «потом», хвастаются, обижаются и жадничают — совсем как люди, только очень маленькие? И что туда можно попасть, если понюхать один синий цветок?

А вот Вастик знает. Но узнал он это не сразу. Сначала надо рассказать, кто такой Вастик, где он живёт, почему его папа ходит на работу в разных ботинках и как пластмассовый крокодил попал в хлебницу. Тогда всё станет понятно. Ну, почти всё.

* * *

Есть на свете один город. Не очень большой и не очень маленький — как раз такой, чтобы на одном его конце пекли пироги, а на другом конце это было слышно по запаху. С од-

ной стороны у города — лес. С другой — речка. С третьей — железная дорога, по которой два раза в день проходит поезд и гудит так, что у всех котов в городе встают дыбом усы. А с четвёртой стороны город просто кончается. Там, где кончается асфальт и начинается крапива.

Город этот немножко не такой, как ваш. Вроде бы всё как везде: дома, магазины, садик, светофоры, но приглядитесь. Над крышами по утрам неторопливо проплывает дирижабль «Пышка» — толстый, серебристый, с пропеллером сзади, как у вентилятора. Он развозит газеты и посылки и, пролетая над садиком, гудит три раза — «здрав-ствуй-те!». По главной улице звенит **солнцеход** — трамвай с солнечными крылышками на крыше. В солнечный день он едет быстро и весело, а в пасмурный — медленно и грустно, и пассажиры его жалеют и иногда даже подталкивают.

Телефонов, которые носят в кармане, в этом городе нет. Совсем. А зачем? Если надо поговорить, подходишь к **говорилке**. Говорилка висит в прихожей на стене, она чёрная, блестящая, с диском, который крутишь пальцем, и с длинным-предлинным витым шнуром. Пока говоришь, можно обойти с трубкой всю квартиру. Но не дальше кухни: дальше шнур не пускает. А на улицах стоят **говорильные будки** — красные, с окошками и с табличкой «Говорите коротко». Никто, конечно, не говорит коротко. А если надо узнать что-нибудь очень срочно — спрашивают бабушку Зину. Она быстрее любой говорилки.

Зато в каждом доме из стены торчит медная труба с крышечкой — **пневмопочта**. Пишешь записку, кладёшь в цилиндрик, суёшь в трубу — фьюить! — и через минуту записка уже у бабушки на кухне. А из булочной по такой трубе можно заказать тёплые бублики, и они прилетают прямо к завтраку, горячие, с маком. Только иногда путают адрес, и бублики прилетают к Аркадию Аркадьевичу, а его газета — к Тюпам. Тюпы газету, конечно, возвращают. А бублики Аркадий Аркадьевич, кажется, нет.

Мультики здесь смотрят не по телевизору, а в **мультоскопе**. Это деревянный ящик с круглым окошком и ручкой сбоку. Крутишь ручку — мультик идёт. Перестал крутить — мультик ждёт. Поэтому мультики в этом городе очень терпеливые. А дети — очень сильные: попробуйте-ка покрутить ручку целую серию. У бабушки дома стоит **самовязка** — машинка, которая сама вяжет шарфы, пока все спят. Если за ней не присматривать, она к утру свяжет шарф длиной до соседнего дома или шапку на Пряника. Пряник шапку не носит. Из принципа. А по вечерам по улицам ходит фонарщик Филимон с длинной палкой и зажигает фонари. Фонари давно могут зажигаться сами. Но Филимон всё равно ходит и зажигает. Говорит, что так фонарям приятнее. И никто с ним не спорит.

Погода в этом городе особенная. В книжках пишут, что времён года — четыре: зима, весна, лето, осень. Ха! Так пишут те, кто в этом городе не жил. Здесь их гораздо больше.

Есть **Первое лето** — это когда уже тепло, мама разрешила снять куртку, но вода в речке ещё кусается за пятки. Есть **Главное лето** — это когда жарко, как в кастрюле с компотом, все ходят в панамках и едят мороженое быстрее, чем оно тает. Есть **Второе лето** — оно приходит в сентябре, когда все уже надели куртки, и говорит: «А вот и я! Снимайте!» Бабушка называет его «бабье лето», но Вастик ни разу не видел, чтобы оно было чьё-нибудь бабушкино.

Потом идёт **Мокрая осень**, когда дождь идёт так долго, что лужи начинают знакомиться друг с другом. И **Хрустящая осень**, когда листья под ногами хрустят, как печенье, а утром на траве лежит белый иней — будто кто-то посыпал сад сахарной пудрой.

Потом приходит **Первая зима**. Она похожа на гостя: приходит, посидит денёк, всё засыплет снегом, все обрадуются, побегут за санками — а она раз! — и ушла и снова грязь. Зато потом приходит **Настоящая зима** — надолго, с морозами и сугробами выше Тюпы. А в марте, когда все уже сняли шапки и обрадовались весне, вдруг приходит **Вторая зима**. Высыпает снега по колено, дует ветром и говорит: «Не ждали?» Никто её не ждёт. Но она всё равно приходит. Каждый год.

И ещё есть **Грязнуха**. Это время между Второй зимой и весной, когда снег тает, всё течёт, и ботинки приходится мыть по три раза в день, а Пряника — по два. Грязнуху никто не любит, кроме луж. Лужи в Грязнуху самые счастливые.

А когда наш рассказ начинается, было Главное лето. Самый его конец. Когда жарко ещё по-летнему, но вечером из сада уже тянет яблоками.

На самом краю города, там, где кончается асфальт, стоит оранжевый двухэтажный дом с зелёной крышей. Папа говорит, что дом немного кривой. Мама говорит, что дом не кривой, а «с характером». А коты ничего не говорят, потому что они коты. Но спят они всегда на том краю крыльца, который пониже. Значит, папа всё-таки прав.

Котов двое. **Пряник** — рыжий, толстый и важный. Он считает себя главным в доме и ходит по комнатам медленно, как директор, который проверяет, всё ли на месте. **Ватрушка** — белая, пушистая и хитрая. Она знает, что главная на самом деле она, но никому не говорит, чтобы Пряник не расстраивался.

Пряник весит как два Тюпиных портфеля и ест так, будто его не кормили с самого Первого лета. Он умеет открывать холодильник лапой. А закрывать — не умеет. Вернее, умеет, но не считает нужным: он же директор, пусть закрывают подчинённые.

А Ватрушка умеет исчезать. Только что лежала на диване — и нет её. Ищешь по всему дому — нет. Под кроватью нет, в шкафу нет, в мамином тазике нет. Найти Ватрушку можно только одним способом: открыть банку сметаны. Тогда Ватрушка появляется сама. Раньше, чем крышка успеет щёлкнуть.

В этом доме живёт мальчик по имени **Вастик**.

Имя у него редкое. Папа говорит, что во всём городе другого Вастика нет, и Вастик этим очень гордится. Ему пять с половиной лет. «Почти шесть», — строго поправляет он каждого, кто спрашивает. Ростом Вастик чуть-чуть выше всех своих друзей — ровно на одну макушку. А щёки у него такие круглые, что бабушка, когда его целует, говорит: «Ну и булочка!» Вастик на «булочку» обижается, но не сильно. Булочки — это же вкусно.

Вастик умеет свистеть, кататься на самокате без рук (почти), плавать по-собачьи и по-лягушачьи (если никто не смотрит) и считать до ста (если никто не перебивает). А ещё он умеет измерять всё по-своему. Например, до садика — две тысячи шагов, или один мультик, если ехать на папиной машине. Сарай — высотой в три Тюпы. А папа весит, как два дедушкиных мешка картошки и ещё чуть-чуть.

А ещё у Вастика свой словарь. Пылесос у него — «пылеед». Колючий свитер — «кусалка». Линейка — «мерилка». Вчерашний день, который ещё не кончился, — «сегодняшнее вчера». А фигура, которую Вастик нарисовал и которая не похожа ни на квадрат, ни на круг, ни на треугольник, называется «нигдеугольник». Потому что таких нигде нет. Анна Сергеевна в садике сначала поправляла Вастика. А потом стала записывать его слова в тетрадку. Говорит, для науки.

А со взрослыми словами у Вастика вообще отдельная история. Взрослые говорят странно. Бабушка, например, уви-

дит, что Вастик лежит на диване и смотрит в потолок, и скажет: «Опять баклуши бьёшь?» Вастик полдня искал эти баклуши. Под диваном, в шкафу, в коробке с кубиками. Не нашёл. «Я их не бью, — честно сказал он бабушке. — Я даже не знаю, где они лежат». Бабушка засмеялась так, что уронила очки.

А папа, когда хочет, чтобы Вастик что-то запомнил, говорит: «Заруби себе на носу!» Вастик тут же закрывает нос обеими ладошками. Мало ли. Нос у него один, круглый и очень нужный. Рубить его он никому не даст. Даже папе.

А вот читать Вастик пока не умеет.

— А зачем мне читать? — удивляется он. — Мне мама читает. И бабушка читает. Бабушка вообще читает лучше всех: она умеет говорить за волка страшным голосом, а за Колобка — тоненьким.

Мама на это вздыхает. Папа хмыкает в усы. А бабушка поправляет очки и говорит: «Вот вырастет — сам мне читать будет». Пряник с Ватрушкой при этом смотрят так, будто сами читают уже давно, просто никому не признаются.

Папа у Вастика целыми днями рисует на своей чертёжной машине «Логарифм» огромные дома. «Логарифм» стоит у папы в кабинете — большой, как пианино, с рычажками, кнопками и круглым зелёным окошком; когда он работает, он тарахтит, как швейная машинка, и выдаёт чертежи на длинной бумажной ленте. А папа рисует на нём и длинные-предлинные трубы. Те самые трубы пневмопочты, по

которым по всему городу летают записки, посылки и бублики. Если какой-нибудь бублик долетел до вас горячим — значит, где-то там есть папина труба. Труб этих так много, что, если их все сложить, наверное, можно дотянуться до Луны. Когда папа думает, он хмыкает в усы. Когда сердится — тоже хмыкает, только по-другому. А когда радуется — хмыкает третьим способом. Вастик уже различает все три. Мама — все пять.

Работы у папы много. Очень много. Так много, что она иногда не помещается в рабочий день и приезжает домой вместе с папой — в портфеле, в телефоне и в папиной голове. Папа каждое утро говорит: «Сегодня приду пораньше». «Пораньше» у папы — это когда Вастик уже почистил зубы, надел пижаму и почти уснул. А «поздно» — это когда Вастик уже видит третий сон, и папа заходит поцеловать его в макушку, и Вастик сквозь сон чувствует, что папа пахнет работой: карандашами, кофе и чуть-чуть трубами.

А ещё папа всё забывает. Не потому что он забывчивый. А потому что у него в голове всё время строятся дома и прокладываются трубы, и для ключей, портфеля и шапки там остаётся совсем мало места. Как на полке, где стоят большие книги: маленькие всё время падают.

* * *

Вот, например, обычное утро в оранжевом доме.

Семь часов. Звенит будильник. Папа говорит будильнику: «Ещё пять минуточек» — совсем как Вастик. Будильник не

соглашается. Через пять минуточек звенит снова. Папа говорит: «Самых-самых последних». Мама говорит: «Папа!» Папа встаёт.

Семь пятнадцать. Папа ищет ключи. В прихожей нет. В куртке нет. В брюках нет. Ключи находятся в холодильнике. На полке, рядом с маслом. Как они туда попали, не знает никто. Папа говорит: «Кхм. Наверное, я вчера думал о трубах». Мама говорит: «Ты вчера думал о бутерброде».

Семь двадцать, папа завтракает. Одной рукой ест, другой — рисует на салфетке трубу. В чай он кладёт три ложки сахара, отпивает, морщится, и оказывается, что это был не сахар, а соль. Соль в сахарнице была потому, что вчера Вастик играл в магазин. Вастик об этом молчит. Ватрушка тоже молчит, но смотрит.

Семь тридцать, папа уходит. Хлопает дверь. Через минуту дверь открывается: папа вернулся за чертежами. Хлопает дверь. Через минуту дверь снова открывается: папа вернулся за портфелем. Хлопает дверь. Через минуту дверь открывается в третий раз. Папа стоит на пороге, смотрит на маму и спрашивает:

— А зачем я вернулся?

— За шапкой, — говорит мама и надевает ему шапку.

— Точно, — говорит папа. — Спасибо. Кхм.

И уходит. В одном чёрном ботинке и одном коричневом. Но этого уже никто не замечает, кроме бабушки Зины, которая звонит маме через две минуты. Про бабушку Зину будет

дальше.

А вечером папа возвращается и говорит, что весь день ему казалось, будто он что-то забыл. «Не ботинок?» — спрашивает мама. Папа смотрит на свои ноги. Долго смотрит. И хмыкает так, что Вастик тотчас понимает: это четвёртый способ. Смущённый. Вастик его раньше не слышал.

Но есть одна вещь, которую папа не забывает никогда. В субботу утром, если нет никакой срочной работы, папа приходит к Вастику в комнату, садится на край кровати и говорит: «Ну что, рассказать тебе про трубу, которая хотела стать фонтаном?» И рассказывает. Каждый раз новую. Про трубу-фонтан, про дом, который боялся высоты, про лифт, который ездил только вниз. Эти сказки папа сочиняет сам. Прямо из головы. Из той самой, где трубы. Наверное, поэтому там и не помещаются ключи.

* * *

Мама печёт пироги и знает всё на свете: где лежит второй носок, почему небо синее и сколько конфет можно съесть до обеда (одну, а не пять). А ещё мама когда-то была чемпионкой по волейболу. У неё на полке висит медаль. Вастик иногда тайком надевает её и ходит по комнате, как чемпион. Пряник в это время смотрит на него с уважением. Ну, или с подозрением. У Пряника это одно и то же лицо.

Мама всё успевает. Одной рукой она печёт пирог, другой говорит по говорилке, третьей заплетает Вастику… Нет, третьей руки у мамы нет — Вастик проверял, когда она спала.

Но иногда очень похоже, что есть.

Бабушка живёт через дорогу, в высоком сером доме, на пятом этаже. Если из комнаты Вастика высунуться в окно (чего мама делать не разрешает), видно её кухню. По вечерам бабушка машет Вастику кухонным полотенцем, а Вастик машет ей в ответ пижамой. Это у них такой секретный код. Что он значит — никто не знает, но обоим нравится.

Бабушка знает тысячу мильон пословиц. Только иногда их немножко путает. «Без труда не выловишь и рыбку из пруда», — говорит бабушка и добавляет: «А с трудом — и рыбку, и пруд». Или: «Семь раз отмерь — и иди обедать». Или: «Не плюй в колодец — пригодится». Что пригодится — колодец или плевок, — бабушка не уточняет. Вастик думает, что колодец. Шуршик — что плевок. Шуршику вообще всё пригождается.

А ещё Вастик давеча сделал одно большое открытие. Взрослые — это не какие-то особенные люди. Это бывшие дети. Просто они очень долго росли и забыли, что были маленькими, но иногда вспоминают. И тогда их можно поймать.

Например, папа. Папа говорит, что сладкое на ночь есть нельзя. А сам ночью, когда думает, что все спят, ест варенье прямо из банки. Ложкой. Стоя у холодильника в одном носке. Вастик видел. Пряник тоже видел. Пряник теперь каждую ночь сидит у холодильника — на всякий случай, вдруг папа уронит.

Или мама. Мама — чемпионка по волейболу. Мама не боится ничего: ни грозы, ни темноты, ни соседской собаки, ни папиного «кхм». Но если в ванной на потолке сидит паук — маленький, с ноготок, — мама кричит так, что слышно у бабушки на пятом этаже и зовёт папу. А папа приходит со шваброй, долго целится, говорит паучку «извините» и выносит его в банке на улицу. Потом папа гордый, как будто победил дракона. А паучок, наверное, тоже гордый — что его вынесли в банке, как короля.

А бабушка, которая всегда говорит «не бегай по лужам», однажды, когда думала, что никто не видит, сама перепрыгнула через лужу. С разбегу. В пальто. С авоськой. И попала одной ногой прямо в середину и засмеялась. Вастик это видел из окна. И с тех пор знает: внутри у каждого Большого прячется махонький. Просто у некоторых он прячется очень глубоко. Как Пельмень за хозяйской ногой.

Теперь про соседей. Соседи у Вастика — особенные. Каждый — со своим характером, как дом.

Справа от оранжевого дома живёт **Аркадий Аркадьевич Важнецов**. Он самый важный человек на всей улице. Он работает Начальником Отдела. Какого отдела — никто не знает. Может быть, даже он сам, но Начальником.

Аркадий Аркадьевич ходит медленно, прямо, высоко подняв подбородок — так, будто несёт на голове невидимый торт и боится его уронить. В одной руке у него портфель. В другой — газета. Перед каждым словом он говорит «кхм».

«Кхм. Доброе утро». «Кхм. Погода». «Кхм. Кот». Даже Пряник, когда видит Аркадия Аркадьевича, на всякий случай садится ровнее.

А ещё у Аркадия Аркадьевича есть такса по имени **Пельмень**. Пельмень такой же важный, как его хозяин. Он длинный, на коротеньких лапках, и ходит рядом с хозяином тоже медленно, тоже высоко подняв нос. Со стороны кажется, что по улице едет маленький важный поезд из одного вагончика. Но стоит Пельменю увидеть Пряника — вся его важность куда-то пропадает. Он прячется за хозяйские брюки, и дальше Аркадий Аркадьевич идёт важно, а сзади у него из-за ноги торчит испуганный пельменный нос.

Каждое утро у калитки Аркадия Аркадьевича стоит одна и та же лужа. И каждое утро Аркадий Аркадьевич, высоко подняв подбородок, наступает в неё. Прямо серединой ботинка. Останавливается, смотрит вниз. И говорит: «Кхм. Непорядок». И идёт дальше. А назавтра — снова. Вастик с Тюпой однажды подсчитали: за одно Главное лето Аркадий Аркадьевич наступил в эту лужу шестьдесят три раза. А ведь мог бы просто обойти. Но тогда бы пришлось опустить подбородок. А начальники подбородок не опускают.

Через дорогу, на первом этаже бабушкиного дома, живёт **бабушка Зина**. У бабушки Зины есть бинокль. Настоящий, морской. И окно, из которого видно всю улицу. Поэтому бабушка Зина знает все новости раньше, чем они случаются. Однажды она позвонила маме и сказала: «Ваш Вастик сей-

час полезет на яблоню». И Вастик действительно полез. Через минуту. Он сам ещё не знал, что полезет, а бабушка Зина уже знала.

А ещё бабушка Зина предсказывает погоду. Лучше, чем радио. Радио говорит: «Завтра солнечно» — а завтра льёт. А у бабушки Зины коленка. Если коленка ноет — будет дождь. Если локоть чешется — придут гости. А если нос чешется — значит, Аркадий Аркадьевич сейчас опять наступит в лужу. Нос у бабушки Зины не ошибается никогда.

Через два дома живёт семья Тюпы. Они все круглые — и папа, и мама, и бабушка, и сам Тюпа, и даже их собака. Когда они идут по улице все вместе, они похожи на набор матрёшек, которые вышли погулять. В их доме всегда пахнет пирогами, а Тюпина бабушка кормит всех, кто проходит мимо. Почтальона, например. Почтальон поэтому приносит почту Тюпам самым последним: после всех остальных домов. Потому что, когда он доходит до Тюп, он уже не может идти дальше. Он сытый.

Рядом с Тюпами — дом **Шуршика**. Папа Шуршика, дядя Гена, ничего никогда не выбрасывает. Всё — в гараж. Потому что «пригодится». У него в гараже три велосипедных колеса без велосипеда, дверь без дома, руль без машины, сорок банок без крышек и сорок крышек без банок. А машина у дяди Гены стоит на улице. Уже пять лет. Потому что в гараже для неё места нет: там всё, что пригодится. Шуршик — весь в папу. Только гараж у него в карманах.

В доме с синими ставнями живёт **Кнопка** со своим дедушкой — **Капитаном**. Капитан когда-то плавал по морям на огромном корабле. Теперь он на пенсии и плавает только в ванне. Но командует так, будто это океан. «Свистать всех наверх!» — кричит он, когда зовёт к обеду. «Полный вперёд!» — когда Кнопка идёт в садик. «Человек за бортом!» — когда у него падает в суп ложка. Кнопка научилась командовать у дедушки. Только она маленькая, поэтому командует маленькими командами. Но очень громко.

А в самом конце улицы живёт дачник **Огурцов**. Он выращивает огурцы и измеряет их линейкой. Каждое утро. И записывает в тетрадку. А помидорам говорит «здравствуйте» и называет их по имени-отчеству. «Здравствуйте, Помидор Помидорович. Как спалось?» Помидоры молчат. Но растут, говорят, лучше всех на улице.

* * *

У Вастика трое лучших друзей.

Кнопка — маленькая, как кнопка, и командует всеми, как генерал. Она старше Вастика на целую весну и считает, что это очень много. Кнопка знает, где растёт самая сладкая малина, как свистеть в травинку и почему нельзя есть снег. Хотя снег она ест.

А ещё Кнопка болтает. Без остановки. Слова у неё бегут так быстро, что наступают друг другу на пятки, и к концу предложения уже непонятно, с чего оно началось. И проигрывать Кнопка не умеет. Совсем. Если Кнопка проиграла,

значит, это была не игра, а тренировка. Или ветер мешал. Или солнце светило не с той стороны. Или Тюпа слишком громко жевал.

Тюпа — кругленький, добрый и всё время что-то жуёт: то булку, то яблоко, а когда ничего нет — собственный рукав. Тюпа ни с кем никогда не ссорится, потому что когда жуёшь, ссориться неудобно. Рот занят.

Но больше булок Тюпа любит сладкое. Конфеты, пряники, варенье, сгущёнку, мармелад и вообще всё, что в фантике. Он любит сладкое так сильно, что зубов у него во рту всего на два больше, чем у его прабабушки. А у прабабушки — один. Зато какой! Прабабушка им орехи колет. Тюпа говорит, что зубы выпадают, потому что он растёт и вместо них вырастут новые, большие. Мама Тюпы говорит, что потому что конфеты. Кто из них прав — неизвестно. Но новые зубы у Тюпы и правда растут. Медленно. Наверное, ждут, когда он доест последнюю конфету. А конфеты у Тюпы не кончаются никогда.

Шуршик — самый тихий. Его почти не слышно, только шуршат карманы. В карманах у Шуршика всё на свете: камешки, пробки, жёлуди, гайка, фантик и однажды даже живая лягушка. Лягушку Шуршик потом отпустил, но долго ещё рассказывал, что она была «очень хорошая, только мокрая». «Пригодится», — говорит Шуршик про всё, что находит. И знаете что? Всегда пригождается.

А ещё Шуршик — соня. Он может уснуть где угодно: в

мультоскопе на середине мультика, на горке, в солнцеходе, а однажды даже в очереди за мороженым. Проснулся он, когда мороженое уже кончилось. С тех пор Шуршик носит в кармане маленький будильник — между гайкой и жёлудем. Будильник, конечно, тоже пригодится. Только Шуршик его пока ни разу не слышал: засыпает раньше, чем тот зазвенит.

А у самого Вастика тоже есть один недостаток. Маленький, но вредный. Вастик не умеет ждать. Совсем. Минута ожидания для него — как тысяча мильон лет. Пять минут — как вечность. А «подожди до завтра» — так долго, что за это время можно успеть вырасти. Когда мама печёт пирог, Вастик заглядывает в духовку каждые полминуты и спрашивает: «Уже?» Пирог от этого, кажется, печётся ещё медленнее. Из вредности.

За оранжевым домом растёт старый сад. За садом стоит серый забор. А за забором начинается пустырь, где лопухи выше папы. Если стоять среди этих лопухов, то кажется, что ты в лесу. Только лес зелёный, мягкий и пахнет пылью и летом.

— За забор не ходи, — говорит мама.

Поэтому, вестимо, Вастику туда ужасно хочется. Так хочется, что иногда даже чешется. Не нос, как у бабушки Зины, а где-то внутри.

* * *

Однажды вечером мама сказала:

— Вастик, убери, пожалуйста, игрушки.

Игрушки лежали везде. Машинки — под диваном. Кубики — на диване. Динозавры — в тапках. А один пластмассовый крокодил почему-то оказался в хлебнице, и как он туда попал, не знал никто, даже бабушка Зина.

— Потом, — ответил Вастик.

— Потом — это когда?

— Ну… потом, — объяснил Вастик. И выскользнул в сад — проворно, пока мама не успела сказать, когда наступает «потом».

В саду пахло яблоками и тёплой травой. Солнце садилось и было похоже на большой апельсин, который положили на забор. И вдруг Вастик заметил, что в заборе, прямо за старой яблоней, одна доска отошла. А в щели, там, в лопухах, что-то мигало. Синенько-синенько. Будто кто-то включил крошечный фонарик.

Вастик оглянулся на дом. Мама ведь сказала «не ходи за забор». А он и не пошёл. Он пролез. Это совсем другое дело.

Среди лопухов рос один-единственный цветок василёк — ярко-синий, как кусочек неба, и он светился. Вастик наклонился понюхать его, а цветок пощекотал ему нос.

— А-а-апчхи!

И мир вдруг стал огромным. Травинки превратились в деревья. Божья коровка оказалась размером с автобус, и у неё на спине можно было пересчитать все семь пятнышек, каждое — с тарелку. А сам Вастик стал ростом со спичечный коробок. Ну, может, чуть-чуть выше. На одну макушку. Как

всегда.

— Ой, — сказал Вастик очень маленьким голосом.

— Не «ой», а «добро пожаловать», — ответил кто-то сверху.

Над ним, в гамаке из паутинки, лежал человечек в шляпе из жёлудя. Лежал он так удобно, будто не вставал с самого утра. А может быть, с прошлой недели. А может быть, с Первого лета.

— Ты кто? — спросил Вастик.

— Я Потомкин, — зевнул человечек. — Самый главный в Лопухове по делам «на потом». У меня даже табличка есть. Вон, видишь? «Министерство Потом». Я её давно собирался повесить. Потом. Поэтому она пока лежит.

— А что ты делаешь?

— Ничего. Мне поручили починить мост через Большую лужу. Я его починю.

— Когда?

— Потом, — сказал Потомкин и закрыл глаза.

В этот момент снизу донеслось:

— Ой! Ай! Буль-буль!

Вастик раздвинул травинки и увидел Большую лужу. Для крошечного Вастика она была как море. Через неё вплавь, держа над головой корзинки, сумки и даже один пирог, перебирались крошечные жители Лопухова. Один житель плыл на спине и держал на животе кастрюлю с супом — очень осторожно, чтобы не расплескать. А посередине лужи тор-

чал старый мост. Вернее, половинка моста.

— Почему вы не идёте по мосту? — закричал им Вастик.

— Его Потомкин чинит! — отвечали жители хором. — Уже третье лето! Первое, Главное и Второе!

Вастик посмотрел на Потомкина, который тихонько похрапывал в гамаке. И почему-то вспомнил свои игрушки. Машинки под диваном. Динозавров в тапках. Крокодила в хлебнице. И ему стало неуютно — будто в ботинок попал камешек. Маленький, но очень колючий.

— Ну уж нет, — сказал Вастик. — Не потом. Сейчас!

Он притащил щепку, потом палочку, потом ещё одну. Жители Лопухова выбрались из лужи — мокрые, но с корзинками — и стали помогать. Даже тот, что с супом. Суп он сначала поставил на берег, а потом все про него забыли, и его выпила проходившая мимо мушка. Но это было уже потом.

Последнюю дощечку Вастик уронил себе на ногу, сказал «ой» и сделал вид, что так и было задумано. Её приладили как раз тогда, когда солнце покраснело и собралось спать.

— Ура-а-а! — закричало Лопухово.

Потомкин приоткрыл один глаз.

— Ну вот, — молвил он довольно. — Я же говорил, что мост починят.

— Это не ты починил! — возмутился Вастик.

— Зато я верил, — сказал Потомкин. — Это тоже работа. Очень тяжёлая. Попробуй-ка три лета подряд верить, что кто-нибудь придёт и всё сделает.

И снова заснул.

Тут синий цветок опять пощекотал Вастику нос.

— Апчхи!

* * *

И Вастик снова оказался большим — по колено в лопухах. А из дома уже звала мама:

— Ва-а-астик! Ужинать!

Вастик пролез обратно через щель, прибежал в дом — и, пока мама грела суп, сделал то, чего не делал никогда. Он сам убрал игрушки. Все. Машинки — в гараж. Кубики — в коробку. Динозавров — на полку. Крокодила — из хлебницы.

Когда мама вошла в комнату, она застыла на пороге.

— Кто это сделал?

— Я, — сказал Вастик. — Сейчас. Не потом.

Мама так удивилась, что положила ему на тарелку два пирожка вместо одного. А папа так удивился, что съел один из них сам — от неожиданности.

Только Пряник был недоволен. Он всё это время спал на полке среди машинок, и Вастик в спешке поставил его в гараж вместе с ними. Пряник просидел в гараже до ужина и вышел оттуда с таким видом, будто его оштрафовали.

А на следующее утро бабушка Зина позвонила маме и сказала: «Кхм. У вас за яблоней в заборе доска отошла. Вастик туда лазил». Мама посмотрела на Вастика. Вастик поглядел на маму.

— Я не лазил, — сказал Вастик. — Я пролез. Это другое.

Мама почему-то засмеялась и не стала чинить доску.

А когда Вастик потом выглянул за забор, на самом большом лопухе крошечными буквами было что-то написано. Вастик долго смотрел на буквы. Буквы смотрели на Вастика.

— Мама! — закричал он. — Что тут написано?

— А ты попробуй сам, — улыбнулась мама.

И Вастик попробовал.

Первая буква была похожа на ворота. Вторая — на палочку с флажком. Третья — на палочку, которая держит колечко. «П… Р… И…» — прочитал Вастик. Дальше было трудно, и буквы были ужасно мелкие. Но Пряник, который пришёл следом и сел рядом в лопухах, посмотрел на Вастика очень одобрительно и громко сказал «мяу». А Пряник, между прочим, директор. Он кого попало не одобряет.

Вастик улыбнулся. До ушей. Потому что «ПРИ…» — это уже начало. А начало, как говорит бабушка, — это полдела. Правда, бабушка путает пословицы. Но эту, кажется, сказала правильно.

Рассказ второй

Хвастик и самая высокая башня

В то утро Вастик встал не с той ноги. Так сказала мама, когда он за завтраком отодвинул кашу, надулся и заявил, что каша невкусная, ложка неудобная, а солнце светит не в ту сторону.

Вастик тотчас посмотрел на свои ноги. Ног было две. Обе — его. Левая и правая. Он попытался вспомнить, с какой встал. Кажется, с левой. А может, с правой. Он вставал сонный и не следил.

— А какая — та? — спросил он маму.

— Что «та»?

— Ну, нога. Та, с которой надо вставать. Чтобы день был хороший.

Мама задумалась. Папа, который уже надевал ботинки (сегодня, к счастью, одинаковые), тоже задумался. Бабушка Зина, если бы её спросили, наверняка знала бы ответ. Но бабушку Зину никто не спросил, и она обиделась бы, если бы узнала. Поэтому её никто и не спросил — чтобы не обиделась.

— Знаешь что, — сказал наконец папа. — Попробуй встать ещё раз. С другой. На всякий случай.

Вастик слез со стула, лёг на диван, закрыл глаза, сосчитал до трёх и встал. С другой ноги. Очень старательно. Потом сел за стол и попробовал кашу. Каша оказалась ничего. Даже вкусная. Ложка — удобная. А солнце, если пересесть на другой стул, светило как раз в ту сторону.

— Работает! — объявил Вастик.

Папа хмыкнул и записал это в свою чертёжную тетрадку. Сказал, что это важное инженерное открытие: если день не получается — надо встать ещё раз. С другой ноги. Он сам так будет делать на работе. Мама сказала, что на работе на диван

не ляжешь. Папа сказал, что у них в Отделе труб есть очень удобный диван. Мама очень подозрительно на него посмотрела. Папа быстро ушёл на работу.

* * *

Однажды утром Кнопка пришла к Вастику с толстой книжкой под мышкой. Книжка была такая толстая, что Кнопку из-за неё было почти не видно. Книжку Кнопке прислала по пневмопочте двоюродная сестра из другого конца города. Книжка застряла в трубе на полдня, потому что была толще, чем труба, и дядя Гена вытаскивал её из трубы своим самодельным пылесосом. Пылесос книжку вытащил. А заодно — три чужих бублика, одну варежку и записку для Аркадия Аркадьевича «Кхм. Срочно». Записку отнесли. Бублики съел Тюпа.

— Это про динозавров, — сказала Кнопка. — Тут всё написано. Только букв очень много.

И тут Вастик, сам не зная зачем, молвил:

— Подумаешь. Я такие книжки уже давно читаю.

Пряник, который спал на подоконнике, приоткрыл один глаз. Ватрушка перестала умываться. Даже муха на стекле, кажется, замерла.

— Правда? — Кнопка прищурилась. — Тогда почитай.

Вастик взял книжку. Буквы стояли на странице плотно, как солдатики, и ни одна не хотела ему помогать. Тогда Вастик посмотрел на картинку и начал:

— Жил-был динозавр. Он был очень большой. И очень…

зелёный. Он съел… дерево. И ещё одно дерево. И забор. И, кажется, папину машину. И…

— А почему ты читаешь, а пальцем не водишь? — спросила Кнопка.

— Я про себя вожу, — сказал Вастик. — Так быстрее.

— А почему у тебя книжка вверх ногами? — не отставала Кнопка.

Вастик посмотрел на книжку. Книжка и правда была вверх ногами. Динозавр на картинке стоял на голове, а хвост у него торчал в небо.

— Так задумано, — сказал Вастик, не моргнув глазом. — Динозавры в древности ходили вверх ногами. Это все учёные знают. Только тебе ещё рано.

Пряник на подоконнике закашлялся. Ватрушка ушла в другую комнату — наверное, чтобы не смеяться при всех.

Кнопка ничего не ответила. Она только хмыкнула, совсем как папа, забрала книжку и ушла. А Вастику стало неуютно. Будто в ботинок опять попал тот самый камешек.

А через пять минут зазвонила говорилка. Это была бабушка Зина.

— Ваш Вастик, — сказала она маме, — только что читал Кнопке книжку. Вверх ногами. Я видела. В бинокль.

Мама вздохнула. Бабушка, которая как раз пришла с пирогом, тоже вздохнула и сказала свою любимую перепутанную пословицу: «Пустая бочка громче гремит. А полная — молчит и варенье хранит». Вастик долго думал, кто тут боч-

ка. И решил, что, наверное, он. И что он пустая. От этого стало совсем неуютно.

Вечером Вастик решил: раз уж он сказал, что умеет читать, — надо научиться. Тотчас. За один вечер. Пока Кнопка не узнала правду. А правду, как известно, бабушка Зина узнаёт раньше всех.

Он начал с кухни. На кухне всё было подписано: мама любит порядок. На одной банке было написано «САХАР», на другой — «СОЛЬ», на третьей — «КРУПА». Вастик взял банку с короткой надписью — короткие слова, решил он, читать легче.

— С… — сказал он. — Л… О… Н. СЛОН!

И открыл банку. Слона там не было. Там была соль. Вастик долго заглядывал внутрь, потом даже потряс банку — вдруг слон маленький и спрятался на дне. Слона не было. Буквы, видимо, перепутались. А может, слон убежал. Мама потом объяснила, что «СОЛЬ» и «СЛОН» похожи, но слон в банку не поместился бы даже самый махонький. Вастик подумал, что это очень обидно — для слона.

Потом он попробовал читать папины чертежи. Чертежи вылезали из «Логарифма» длинной бумажной лентой, и на них было много цифр, стрелочек и слов вроде «ТРУБА ДУ-50». Вастик прочитал «ТРУБА» — это он угадал по картинке — и обрадовался. А «ДУ-50» прочитать не смог. Папа сказал, что это и взрослые не все могут. Это по-инженерному. Вастик решил, что инженерный язык он выучит потом.

То есть позже. То есть не по-Потомкински, а честно позже.

А потом мимо забора проходил Капитан, Кнопкин дедушка. Он увидел в окне Вастика, обложенного банками, книжками и чертежами, и крикнул:

— Эй, юнга! Что за аврал?

— Учусь читать! — крикнул Вастик. — За один вечер!

Капитан снял фуражку, почесал затылок и сказал очень серьёзно:

— За один вечер, юнга, даже якорь не поднимешь. Читать — это как плыть через океан. Надо каждый день понемножку. Сегодня — одну букву. Завтра — другую. А кто хочет переплыть океан за один вечер, тот, как правило, оказывается в луже. Это я тебе как капитан говорю.

И ушёл, насвистывая морскую песню. А Вастик поглядел на банку с надписью «СОЛЬ» и решил, что сегодня, пожалуй, хватит одной буквы. Он выбрал «О». Она круглая, как бублик, и её легко запомнить. Он её и запомнил. Насовсем.

* * *

После обеда Вастик пролез в щель в заборе, нашёл синий цветок и чихнул.

— Апчхи!

Не успел он даже как следует стать маленьким, как услышал:

— Внимание! Внимание! Сегодня! Только у нас! Самая высокая башня на свете!

Посреди Лопухова на шишке стоял человечек в красной

шапочке из лепестка мака. Шапочка была великовата и всё время сползала ему на нос. Человечек кричал так громко, что у пробегавшей мимо гусеницы зашевелились все сорок ножек.

Человечек раздувался от важности. Раздувался так сильно, что Вастик на всякий случай отошёл на шаг: вдруг лопнет, как воздушный шарик. Бабушка про таких говорит: «Надулся, как индюк». Вастик индюка видел только на картинке, но теперь понял, что бабушка имела в виду.

— Кто это? — спросил Вастик у жителя, который нёс мимо вязанку травинок.

— Это Хвастик, — вздохнул житель. — Не обращай внимания. Он всегда так.

И житель рассказал Вастику про Хвастика всё. Хвастик живёт в самом высоком домике Лопухова. Домик стоит на ходулях из четырёх спичек — чтобы быть выше всех. Каждое утро Хвастик меряет свой рост у дверного косяка и каждое утро встаёт на цыпочки. Поэтому по зарубкам на косяке получается, что Хвастик за лето вырос на целую макушку. А на самом деле — на ноготок.

Ещё у Хвастика на стене висит «Доска почёта Лопухова». На ней двенадцать портретов. Все двенадцать — Хвастика. Хвастик в шапочке. Хвастик без шапочки. Хвастик с ромашкой. Хвастик в профиль. Хвастик в профиль с другой стороны. «Чтобы было из кого выбирать», — объясняет Хвастик.

— А когда он что-нибудь роняет, — добавил житель, —

он всегда говорит: «Это я специально!» Однажды он уронил себя в лужу. И сказал, что специально. Проверял, мокрая ли.

— А ещё, — добавил житель, загибая пальцы, — он говорил, что поймал облако. Голыми руками. Но отпустил, потому что оно было мокрое. Говорил, что перепел соловья. Соловей, правда, об этом не знает. Говорил, что победил жука-носорога в борьбе. А жук-носорог просто спал, и Хвастик потрогал его за рог, а потом убежал так быстро, что потерял шапочку. Шапочку потом жук вернул. Вежливый жук.

— А ещё, — подхватил второй житель, — Хвастик говорил, что умеет летать. Его попросили показать. Он залез на лопух, раскинул руки и сказал, что сегодня нелётная погода. И с тех пор погода у него всегда нелётная. Даже когда солнце.

Вастик слушал и почему-то краснел. Ему вдруг показалось, что он тоже иногда говорит про нелётную погоду. Только по-другому. Например, когда говорит, что умеет читать.

— Я построил башню! — кричал Хвастик. — Выше лопуха! Выше яблони! Выше облаков! Её видно даже с Луны!

— А где она? — спросил Вастик.

Хвастик поправил шапочку и поглядел на Вастика сверху вниз. Это было непросто, потому что ростом они были одинаковые, и Хвастику пришлось встать на цыпочки.

— Сегодня её не видно, — сказал он. — Сегодня ветер. Я её спрятал. Завтра покажу.

— Он это каждый день говорит, — шепнул житель с травинками. — Уже неделю.

— А какой она высоты? — спросил Вастик.

— О! — Хвастик поднял палец. — Три тысячи мильон сантиметров! А может, даже четыре! Я мерил. Почти. Глазами.

Вастик подумал, что три тысячи мильон сантиметров — это примерно до Луны. Или до бабушкиного пятого этажа. Он был не уверен, что из этого выше.

Тогда Вастик сказал:

— А давайте её правда построим!

И жители Лопухова, которым надоело слушать про башню, которой нет, взялись за дело. Кто-то принёс жёлуди. Кто-то ореховые скорлупки. Кто-то катушку от ниток, которую нашёл в траве (очень может быть, что её когда-то потерял Шуршик). Скорлупку ставили на жёлудь, жёлудь на катушку, а сверху опять скорлупку.

По дороге мимо шёл Потомкин — неспешно, вразвалочку, с гамаком под мышкой.

— Потомкин, помоги! — крикнули ему. — Принеси жёлудь!

— Принесу, — пообещал Потомкин. — Потом.

И лёг в гамак тут же, под лопухом, смотреть, как другие строят. Через час он молвил, что очень устал смотреть и уснул. Жёлудь он так и не принёс. Но все уже знали, что так будет, и не обиделись. Это же Потомкин.

А Хвастик в это время бегал вокруг стройки с травинкой и всё мерил. Травинка была одна и та же, а Хвастик каждый

раз объявлял новую высоту: «Сто сантиметров! Двести! Тысяча! Мильон!» Жители уже не обращали внимания. Только божья коровка, пролетавшая мимо, на всякий случай поднялась повыше.

А потом Хвастик решил, что башню надо торжественно открыть. Как настоящий начальник. Он видел однажды через щель в заборе, как Аркадий Аркадьевич открывал новую будку для говорилки на углу. Там была ленточка, ножницы и речь. Очень длинная речь. Хвастик запомнил из неё только «кхм» и «в целом», но решил, что этого достаточно.

Он натянул между двумя травинками паутинку вместо ленточки, взял в руки две сосновые иголки вместо ножниц, встал на камешек и начал:

— Кхм! Уважаемые жители! В целом! Сегодня в целом знаменательный день! Сегодня я, Хвастик, в целом построил… то есть руководил… то есть в целом был рядом… Кхм!

Жители слушали, один зевнул. Другой сел на травинку. Третий тихонько ушёл домой обедать и вернулся, а речь всё не кончалась.

— …и в целом, — продолжал Хвастик, — эта башня — самая высокая, самая красивая и самая моя башня во всём Лопухове, а также в окрестностях, а также, возможно, на Луне! Кхм!

Он чикнул иголками по паутинке. Паутинка не разрезалась, а прилипла к иголкам, к рукам, к шапочке и к носу. Хвастик долго отдирал её и чихал. Жители вежливо похло-

пали. Не речи, а тому, что она кончилась.

А Хвастик ходил вокруг и командовал:

— Это я придумал! Скорлупку — это я придумал! И катушку я придумал! И вообще, без меня вы бы ничего не построили!

— Ты бы хоть один жёлудь принёс, — сказал Вастик.

— Я не ношу, — гордо отвечал Хвастик. — Я руковожу.

Когда башня была готова, она и правда получилась высокая. Выше одуванчика! Почти до нижнего листа лопуха! Все жители Лопухова ахнули.

Хвастик приложил к башне травинку и торжественно объявил:

— Три тысячи мильон сантиметров! Как я и говорил!

Один житель, у которого была настоящая линейка (из щепочки, с зарубками), тихонько измерил. Получилось семь, семь сантиметров. Но он никому не сказал. Не хотел портить праздник.

И тут Хвастик, быстрее всех, полез на самый верх.

— Смотрите! — закричал он оттуда. — Смотрите все! Это Я построил самую высокую башню на свете! Я! Я! Я-а-а!

Он так кричал и так подпрыгивал на каждом «Я», что башня закачалась. Сначала чуть-чуть, Потом сильнее. Скорлупка поехала влево, жёлудь вправо, а катушка задумалась, не укатиться ли ей совсем.

— Ой! — сказал Хвастик уже совсем другим голосом. — Ой-ой… Снимите меня!

Но жители Лопухова стояли внизу и не двигались. Они так привыкли, что Хвастик кричит, что уже не понимали, когда он кричит по-настоящему.

Тогда Вастик полез наверх. Медленно, осторожно, с жёлудя на скорлупку, со скорлупки на катушку. Он протянул Хвастику руку, и они вместе спустились вниз.

Хвастик сел на землю. Шапочка совсем съехала ему на нос, и он её не поправлял.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я никакой башни не строил. Ни вчера, ни раньше. Я только говорил, что строил.

— Знаю, — сказал Вастик.

— А зачем ты тогда меня спас?

Вастик подумал и ответил:

— Потому что я тоже иногда так говорю.

Хвастик шмыгнул носом.

— Ладно, — молвил он. — Надо взять себя в руки.

И попробовал. Обхватил себя руками покрепче и потянул вверх. Не поднялось. Ещё раз — не поднялось.

— Тяжёлый я, — удивился Хвастик.

— Это от хвастовства, — сказал Вастик. — Оно тяжёлое.

И оба засмеялись. А когда засмеялись — Хвастик вдруг сам поднялся. Легко, как будто хвастовство из него вытряхнулось.

— Знаешь что, — сказал Вастик, когда они отсмеялись. — Давай устроим клуб.

— Какой клуб? — подозрительно спросил Хвастик. —

Клуб самых лучших? Я согласен быть председателем.

— Нет. Клуб честных. Там каждый по очереди говорит про себя одну правду. Самую-самую честную. Даже если стыдно.

Хвастик долго думал. Шевелил бровями, поправлял шапочку. Наконец сказал:

— Ладно. Начинай ты.

— Я не умею читать, — сказал Вастик. — Совсем. Я сегодня прочитал «СОЛЬ» как «СЛОН».

Хвастик захихикал. Потом спохватился, сделал серьёзное лицо и сказал:

— А я… я не умею плавать. Совсем. Когда переходим Большую лужу, я иду по дну и держу шапку над головой. А всем говорю, что это у меня такой стиль. Подводный.

— А ещё? — спросил Вастик.

— А ещё на «Доске почёта» один портрет — вовсе не мой. Это жук. Я его нарисовал, а он получился похожим на меня. Я и повесил. Никто не заметил.

Вастик засмеялся так, что чуть не упал с травинки. Хвастик засмеялся тоже. И они решили, что Клуб честных — самый весёлый клуб на свете. Потому что, оказывается, правду говорить смешнее, чем хвастаться и гораздо легче. Не надо запоминать, что ты наврал.

Синий цветок пощекотал ему нос.

— Апчхи!

* * *

Вечером Вастик постучал в дом с синими ставнями. Кнопка отворила дверь, и в руках у неё опять была книжка про динозавров.

— Кнопка, — сказал Вастик и посмотрел на свои ботинки. — Я тогда не читал. Я по картинке придумывал. Я покуда не умею читать.

Кнопка помолчала. А потом вдруг покраснела.

— Я тоже не умею, — сказала она. — Я эту книжку только смотрю. Я думала, ты умеешь, и хотела, чтобы ты мне почитал.

И Вастик понял две вещи. Первое: взрослые тоже хвастаются. Второе: у мамы есть секрет, а теперь он есть и у Вастика. Это было приятно. Очень.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Но одно слово я уже читаю, — сказал Вастик. — Честно. Хочешь, покажу?

И он показал.

А Тюпа, который, вестимо, всё это время стоял за забором и жевал булку, сказал:

— А я умею читать слово «БУЛКА». Оно на пакете написано.

А вечером, когда Вастик уже лежал в кровати, мама села рядом и сказала ему на ушко секрет:

— А я в детстве всем говорила, что умею свистеть. Всем-всем. Целый год. А сама не умела. И до сих пор не умею. Только папе не говори.

— А папа знает? — шёпотом спросил Вастик.

— Папа думает, что я просто не люблю свистеть, — шёпотом ответила мама. — Пусть так и думает.

Но папа, оказывается, всё слышал. Он стоял в дверях с чашкой чая и хмыкал. Потом сел на край кровати и сказал:

— Ладно уж. Раз у вас тут клуб честных… Я в детстве всему двору говорил, что у меня дома живёт крокодил. Настоящий. Живой. Ест котлеты и спит в ванне.

— А на самом деле? — ахнул Вастик.

— А на самом деле он был пластмассовый, — признался папа. — Зелёный, с облезлым хвостом. Я его до сих пор храню. Он, кстати, иногда живёт в хлебнице. Ты его там находил.

Вастик открыл рот. Тот самый крокодил! Из хлебницы! Он думал, что сам его туда положил и забыл. А это был папин крокодил. Папин детский. Хвастливый крокодил, из-за которого папе когда-то было стыдно перед всем двором.

— А тебе потом было неуютно? — спросил Вастик. — Как будто камешек в ботинке?

— Ещё как, — сказал папа. — Целую неделю. Пока не показал всем крокодила и не сказал правду. Знаешь, что было?

— Что?

— Все смеялись. А потом весь двор неделю играл с моим крокодилом. Он оказался гораздо интереснее, чем настоящий. Настоящий бы всех съел. А мой — катался на самосвале и плавал в луже. Правда, знаешь ли, почти всегда ин-

тереснее вранья. Просто это не сразу понятно.

А на следующий день Вастик и Кнопка пришли к бабушке. Вдвоём. С книжкой про динозавров.

— Ба, — сказал Вастик. — Научи нас. По-честному. Мы оба не умеем. Мы в клубе честных.

Бабушка ничего не спросила про клуб. Бабушки вообще многое понимают без вопросов. Она надела очки, взяла книжку и показала на первую букву на обложке.

— Это буква «Д», — сказала бабушка. — Похожа на домик с ножками. Домик стоит, а ножки — чтобы не убежал. С неё начинается «дом», «дедушка», «дождик». И «динозавр».

— «Д»! — сказала Кнопка. Командным голосом, конечно.

— «Д»! — сказал Вастик.

Потом бабушка показала «И» — она похожа на лесенку, которую поставили наискосок. Потом «Н» — тоже лесенка, только перекладина ровная. Потом «О» — бублик. Его Вастик уже знал со вчерашнего вечера, со «СЛОНА», и гордо сказал: «Это я знаю. Это бублик». Бабушка подтвердила: бублик.

И тогда они прочитали. Вдвоём, медленно. Водя пальцем — по-настоящему, а не про себя. «Д-И-Н-О». ДИНО.

Дальше было слишком длинно. Но и «ДИНО» — это было уже очень много. Кнопка сказала, что это лучше, чем вся книжка. Потому что эту половинку слова они прочитали сами. А книжку целиком — пока только динозавры.

А пластмассовый папин крокодил той ночью опять спал

в хлебнице. Кто его туда положил, так никто и не признался. Но Вастик подозревал, что крокодил ходит туда сам. Ему там нравится: тепло, пахнет хлебом и никто не спрашивает, умеет ли он читать.

Рассказ третий

Муравьиная дорога

Это было в самом конце Главного лета, через неделю после того, как Вастик первый раз побывал в Лопухове. Жара стояла такая, что даже солнцеход на главной улице ехал медленно и с видимой неохотой, а фонарщик Филимон говорил, что фонари можно вообще не зажигать — и так светло, и так жарко.

Тюпа пришёл к Вастику с банкой варенья. Не есть — просто так. Тюпа всегда носил с собой что-нибудь сладкое, на всякий случай. Вдруг случится голод. Или праздник. Или просто захочется.

Но банку он открыл тотчас, как сел на крыльцо. И тут же над банкой загудело. Прилетела оса, Потом вторая. Потом третья — с подружкой.

— Ай! — закричал Тюпа и замахал руками. — Кыш! Кыш! Уходите! Это моё варенье!

Осы обиделись и загудели громче. Одна села Тюпе на нос. Тюпа скосил на неё глаза так, что стал похож на филина.

— Не маши! — закричала из окна мама. — Замри! Осы не любят, когда машут. Посиди тихо — они сами улетят.

Тюпа замер. Сидел с осой на носу, не дыша, как памятник. Памятник Тюпе, который очень любит варенье. Оса посидела, понюхала Тюпин нос — нос пах вареньем, но был, видимо, недостаточно сладкий, — и улетела. Мама вынесла блюдечко, капнула туда варенья и поставила подальше, у калитки. Осы тотчас переселились к блюдечку и забыли про Тюпу.

— Хитро, — сказал Тюпа с уважением, вытирая нос. — Им — блюдечко, мне — банка. И никто не обижен.

— Это называется дипломатия, — сказал папа, проходя мимо с портфелем. — Мы на работе так с соседним отделом договариваемся. Им — блюдечко, нам — банку.

Вастик не знал, что такое дипломатия. Но подумал, что если на папиной работе есть отдел, которому дают блюдечко с вареньем, то работать там, наверное, неплохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.